Правовая доктрина и цивилистическая характеристика квалифицированной электронной подписи в контексте оборота цифровых финансовых активов

Кадырова Салидат Джабраиловна
аспирант, кафедра Уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет, salidat.k1997@mail.ru

Интеграция цифровых финансовых активов (ЦФА) в хозяйственный оборот детерминирует потребность в углубленном догматическом анализе правовых средств, обеспечивающих юридическую силу совершаемых с ними операций. В представленном исследовании осуществлен комплексный анализ правовой природы квалифицированной электронной подписи (КЭП) как конститутивного элемента правомерного распоряжения ЦФА в свете действующего российского законодательства. Целью работы является систематизация цивилистических особенностей применения КЭП при совершении сделок с ЦФА и выявление сопутствующих правовых рисков. Методологическую основу составляют формально-догматический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы. Научная новизна заключается в обосновании концепции дуалистического характера КЭП применительно к обороту ЦФА: она определяется как технико-юридический аналог собственноручной подписи и одновременно как самостоятельный объект гражданских правоотношений, производный от оказания услуг аккредитованным удостоверяющим центром. Результатом исследования выступает вывод о необходимости de lege ferenda закрепления специальных норм, регулирующих ответственность операторов информационных систем, выпускающих ЦФА, и удостоверяющих центров за коллизии, связанные с использованием ключей КЭП, а также о целесообразности расширительного доктринального и легального толкования понятия «надлежащее лицо» в контексте ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в части распоряжения ЦФА. Сформулированные положения могут быть использованы для развития законодательства в сфере цифровых прав и оптимизации правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, квалифицированная электронная подпись, цифровые права, гражданско-правовая сделка, информационная система, распределенный реестр, удостоверяющий центр, оператор, аутентификация, правовые риски.

Введение. Формирование цифровой экономической парадигмы обусловило возникновение инновационных объектов гражданских прав, среди которых особое место занимают цифровые финансовые активы (далее – ЦФА), легитимированные Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» (далее – Закон о ЦФА). Ключевой проблемой правового регулирования оборота ЦФА является обеспечение достоверной идентификации субъекта, осуществляющего распоряжение таким активом. В условиях функционирования децентрализованных и гибридных реестров традиционные цивилистические конструкции требуют концептуальной адаптации. Базовым юридически значимым инструментом, опосредующим волеизъявление участника сделки с ЦФА, выступает квалифицированная электронная подпись (далее – КЭП). Тем не менее, её применение в указанной сфере генерирует спектр специфических цивилистических вопросов, касающихся правовой сущности, условий действительности сделок и дистрибуции соответствующих рисков, которые в настоящее время не получили достаточной доктринальной и легальной проработки.

Основная часть.

1. Электронная подпись как конститутивный элемент сделки с ЦФА: теоретико-правовой аспект.

В соответствии со ст. 2 Закона о ЦФА, распоряжение цифровым финансовым активом реализуется посредством внесения записей в информационную систему, обеспечивающую идентификацию их владельца. Как следует из системного толкования ст. 6 Закона о ЦФА и ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), таким средством идентификации, приравниваемым к собственноручной подписи, является КЭП, соответствующая требованиям Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон об ЭП).

В современной правовой доктрине сформировались две основные концепции понимания КЭП: как юридического факта-действия (акта волеизъявления) и как объекта субъективных гражданских прав (результата оказания услуг аккредитованным удостоверяющим центром) [1, с. 45]. В контексте оборота ЦФА проявляется дуализм правовой природы КЭП. С одной стороны, создание и применение усиленной электронной подписи для совершения операции с ЦФА представляет собой акт волеизъявления правообладателя, порождающий цивилистические последствия в виде перехода прав на актив. С другой стороны, инфраструктура КЭП (квалифицированный сертификат, закрытый ключ) выступает в качестве необходимого предварительного условия для такого волеизъявления, возникающего из правоотношения с удостоверяющим центром. Указанная двойственность актуализирует проблему разграничения ответственности за неправомерное использование ключа электронной подписи между его владельцем, оператором платформы обращения ЦФА и удостоверяющим центром.

2. Цивилистические риски и проблемы деликтной ответственности при использовании КЭП для распоряжения ЦФА.

Основная правовая коллизия заключается в противоречии между презумпцией (presumptio iuris), закрепленной в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ (действие, совершенное с использованием КЭП, презюмируется совершенным лицом, которому принадлежит соответствующий ключ), и объективной возможностью компрометации (нарушения конфиденциальности) такого ключа. Закон об ЭП (ст. 10) возлагает на владельца квалифицированного сертификата бремя обеспечения конфиденциальности ключа электронной подписи. Однако в сфере оборота ЦФА, где стоимость актива может быть исключительно высокой, а технические способы неправомерного завладения ключами (фишинг, вредоносное программное обеспечение) характеризуются постоянным усложнением, универсальность данного подхода требует substantive revision.

По мнению автора, необходима дифференциация деликтной ответственности в зависимости от установления вины субъектов правоотношения. Если компрометация ключа произошла вследствие виновных действий (бездействия) владельца (нарушение установленных правил хранения), риски убытков возлагаются на него. Если же будет доказано, что утечка ключа стала возможной в результате ненадлежащего обеспечения безопасности со стороны оператора платформы ЦФА (например, вследствие уязвимости программного интерфейса) или удостоверяющего центра (системный сбой), должна возникать субсидиарная ответственность указанных профессиональных участников оборота. Действующее законодательство не содержит четкого механизма такого разграничения, что формирует правовой lacuna.

Смежной проблемой выступает определение момента совершения сделки. В соответствии с общим подходом, сделка с ЦФА считается совершенной в момент внесения соответствующей записи в информационную систему (распределенный реестр). Однако, с технической точки зрения, этому действию предшествует процедура формирования и направления электронного документа, подписанного КЭП. В случае возникновения спора о моменте перехода права необходимо нормативное закрепление (в регламентах информационной системы и на уровне закона) положения о том, что моментом волеизъявления является именно момент совершения действий по созданию КЭП, тогда как внесение записи в реестр представляет собой техническую (исполнительную) операцию.

3. Векторы совершенствования законодательного регулирования.

В целях минимизации выявленных правовых рисков предлагается следующее:

1. Имплементировать в Закон о ЦФА специальную норму, устанавливающую принципы распределения ответственности между владельцем ЦФА, оператором информационной системы и удостоверяющим центром в случае компрометации ключа КЭП. Целесообразно закрепить презумпцию отсутствия вины владельца при условии использования им средств защиты, рекомендованных оператором и удостоверяющим центром, и при наличии доказательств технической возможности нарушения безопасности с их стороны.

2. Способствовать расширительному толкованию п. 2 ст. 434.1 ГК РФ применительно к ЦФА, закрепив в практике судов общей юрисдикции или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ позицию, согласно которой «надлежащим лицом» в данном контексте может признаваться не только непосредственный владелец сертификата КЭП, но и субъект, правомерно использующий ключ на основании сформированного с применением аналогичных технологий (например, смарт-контракта) уполномочия, что имеет особую актуальность для корпоративных правоотношений.

3. Установить императивное требование о необходимости детального описания в правилах информационной системы, выпускающей ЦФА, процедуры совершения операций с использованием КЭП, включая регламент оспаривания ошибочных или совершенных в результате мошеннических действий транзакций.

Заключение

Таким образом, использование квалифицированной электронной подписи в обороте цифровых финансовых активов релевантно выявляет новые аспекты данного правового института. КЭП функционирует не только как технико-юридический инструмент аутентификации, но и как центральный элемент в системе гражданско-правовых связей, опосредующих отношения между владельцем актива, оператором платформы и удостоверяющим центром. Действующее законодательство, характеризующееся фрагментарностью регулирования данной области, требует адаптации к специфике цифровой среды, где риски компрометации данных носят масштабный и технологически детерминированный характер. Предложенные в исследовании меры по оптимизации правового регулирования – дифференциация деликтной ответственности, расширение субъектного состава «надлежащих лиц» и детализация процедурных правил в регламентах систем – направлены на повышение уровня безопасности и правовой определенности оборота ЦФА, что будет способствовать его дальнейшей легализации и устойчивому развитию в экономике Российской Федерации.

Литература

1. Белов В.А. Цифровые обязательства: очерки теории. М.: Юрайт, 2022. 187 с.

2. Ефимова Л.Г. Банковские сделки и цифровые финансовые активы: новые вызовы // Закон. 2023. № 5. С. 78–92.

3. Захарьина А.В. Электронная подпись в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2021. 254 с.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активов, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

6. Чувакова В.Б. Ответственность в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 34–49.

7. Щербович А.А. Правовое регулирование распределенных реестров: сравнительный анализ. М.: Статут, 2021. 312 с.

Legal Doctrine and Civil Law Characteristics of Qualified Electronic Signatures in the Context of Digital Financial Asset Circulation

Kadyrova S.Dz.
Surgut State University

The integration of digital financial assets (DFAs) into economic activity necessitates an in-depth, dogmatic analysis of the legal means that ensure the legal validity of transactions involving them. This study provides a comprehensive analysis of the legal nature of qualified electronic signatures (QES) as a constituent element of the lawful disposal of DFAs in light of current Russian legislation. The aim of the study is to systematize the civil law aspects of using QESs in transactions involving DFAs and identify the associated legal risks. The methodological framework is based on formal-dogmatic, comparative-legal, and structural-functional methods. The scientific novelty lies in the substantiation of the concept of the dualistic nature of the qualified electronic signature (QES) as applied to digital financial assets (DFAs): it is defined as both a technical and legal analogue of a handwritten signature and, at the same time, as an independent object of civil legal relations, derived from the provision of services by an accredited certification authority. The study concludes that it is necessary, de lege ferenda, to establish special rules governing the liability of information system operators issuing DFAs and certification authorities for

conflicts related to the use of QES keys, as well as the advisability of a broad doctrinal and legal interpretation of the concept of "proper person" in the context of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation regarding the disposal of DFAs. The formulated provisions can be used to develop legislation in the field of digital rights and optimize law enforcement.
Keywords: digital financial assets, qualified electronic signature, digital rights, civil transaction, information system, distributed ledger, certification authority, operator, authentication, legal risks.

References

1. Belov V.A. Digital Obligations: Essays on Theory. Moscow: Yurait, 2022. 187 p.
2. Efimova L.G. Banking Transactions and Digital Financial Assets: New Challenges // Law. 2023. No. 5. pp. 78–92.
3. Zakharyina A.V. Electronic Signature in Civil Law: Problems of Theory and Practice: Monograph. St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. 254 p.
4. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
5. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.
6. Chuvakova V.B. Liability in the Digital Economy: Problems and Prospects // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. pp. 34–49.
7. Shcherbovich A.A. Legal Regulation of Distributed Registries: A Comparative Analysis. Moscow: Statut, 2021. 312 p.